

ВСЕМИРНЫЙ СЛЕДОПЫТ

ЦЕНА 10 КОП.

Днепропетровск

2

ДНЕПРОВЦЫ

Рассказ Г. ТАРПАН
Рисунки В. ЩЕГЛОВА

Гончук в тресте заведывает отделом кадров. Выдвинули его с завода, посадили в кабинет, дали в руки перо вместо напильника. Два дня пробродил он по канцелярии треста, пугаясь между столами и спотыкаясь на гладком паркете. Был он мрачен, как человек, потерявший дорогую для него вещь, и ворчал вслух. Товарищи выслушивали и, нетерпеливо ерзая на стульях, снова погружались в цифры и протоколы.

Швейцар Васин три года назад был в таком же положении. Он пришел в канцелярию треста, когда потерял на заводе руку. Потому и понял Гончука с полуслова. И на жалобу его ответил:

— Правильно. С непривычки вода всегда холодная.

— Водой меня не испугаешь, — перебил Гончук речь Васина. — От чернил мутит меня хуже рвотного. Пятнадцать лет качался на корабле, не страдал морской болезнью. А тут — буза.

На третий день мытарства по канцелярии Гончук вместе с Васиным забрались в пивную. На все расспросы любопытных Васин после заявлял:

— Не начальник, а рубаха-парень. Свой до голого гвоздя.

Таким Гончук пришел с завода и оставался в продолжение года работы на новом месте.

О предстоящей чистке аппарата треста давно знали, к ней готовились. Кто-то бодрился, повыше задирая голову, другие смущенно молчали. Гончук тоже изменился: часто раздражался, даже начал покрикивать, чего раньше за ним не водилось. В канцелярии кто-то пу-

стил слух: Гончуку объявлен выговор за пьянство. Управляющий лично вызывал в кабинет и разносил больше получаса. За достоверное передавали, управляющий говорил Гончуку:

— Ах ты, еловая шишка. Ну, случилось выпить, и катился бы колбаской куда следует. А ты вздумал поднять паруса на Тверской улице.

И еще более упорно утверждали, Гончук будто бы крикнул и ответил управляющему:

— Понимаешь ты в морском деле, как корова в леденцах. Чтобы плавать и не подмокнуть? А что ты, циркуляров обелся что ли?

Одни рассказывали, другие дружно гоготали, а Васин с тревогой повторял:

— Федяй-то на заметке. Влетит по заднее число. А жаль парня, сгоряча нагородит, если что не по нраву скажут...

* * *

Зал клуба с трудом вместил прибывших на чистку. Рабочие заводов, объединяемых трестом, прислали своих представителей. Пришли они прямо из цехов, наскоро отмыв заводскую копоть. Многие знали Гончука и, ожидая начала чистки, игриво ему подмигивали:

— А ты не робь, Федяй. Кому как, а тебе трын-трава, паспорт у тебя здорово мозолистый.

Гончук поддакивал:

— Да мне что? Послали ребята, сижу, справляю дело. А мысли все на заводе: каково там с промфинпланчиком? Чувствую, я там нужнее. А здесь тоже нужен глаз—ведь для заводов кадры.

Председатель поверочной комиссии, бритый и обветренный, необычно пере-

дерибал широкими плечами и вздрагивал, слушая биографию Гончука. И три сотни людей застыли в напряженном ожидании, так что в перерывах речи слышно было, как секретарь шелестел бумагами. Говорил Гончук недолго, длительным было молчание присутствующих.

— Ну, что же, товарищи, — подбодрил председатель, отставляя записную книжку. — Помогайте комиссии, задавайте вопросы, высказывайте мнение. Нужно составить и обрисовать пролетарский портрет и во всех отношениях его поскоблить.

— Чего говорить, вполне свой парень, — согласно загудел зал. А Васин выкрикнул:

— Хороший начальник, без гонору ладно с ним живем! — и оглядел соседей, будто спрашивая: «А разве неправда?»

Многие рассмеялись и словно ветром сдуло напряженность. Скрипнули стулья, задвигались люди, в воздухе повис гул явно дружелюбный. Гончук обернулся, потряхнул головой, выкрикнул в пространство:

— А ты прямо крой, если что! Незачем в кулак музычиться.

Аудитория грохнула смехом; от него жалобно звякнули в рамах стекла. Председатель резко дернул колокольчиком:

— Товарищи, давайте подойдем к вопросу серьезнее. Товарищ Гончук выдвинут на руководящую работу, а руководителям мы должны предъявить большие требования. Между тем у Гончука не все благополучно. Числится минус знаний по политическим вопросам... Вот, для примера вы и скажите нам, това-

риш, правильна ли политика правых уклонистов в вопросах экспорта? Вот они говорят: давайте сокращать вывоз, будем вывозить только то, что нам не нужно, и так далее.

— Что о них говорить, когда они не понимают высшей партийной дисциплины. — И Гончук презрительно сплюнул. — Какой о правых разговор? Чепуховина!..

— Все это правильно, — прервал его председатель, — да одной руготней с правыми уклонистами не справиться. Чтобы понимать ошибки, надо уметь в них до тонкости разбираться.

Гончуку здорово влетело от комиссии.

— К такому серьезному вопросу нельзя относиться наплевательски — закончил председатель. И, подумав немного, добавил: — а скажите; товарищ, как у вас насчет выпивки?

Гончук слегка запнулся:

— Да... нет... То-есть да... Собственно еще матросом привык к чарке, трудно переделаться, но большого пристрастия не имею. Разве другой раз товарищи подбьют, приходится опрокинуть баночку. Пускай не говорят, что от массы оторвался.

Словно плотину прорвало. Брызнул смех. Зал заполнился кашлем, скрипом, гоготом, выкриками. Председатель поднял руку:

— Попрошу успокоиться! Конечно товарищ Гончук совершенно неправ, когда дает такие оправдания. За бутылкой плохая смывка с массаи. Мы против алкоголя вообще и только исключительная крайность заставляет нас мириться с выделкой и продажей. Но в отношении товарища Гончука дело заключается не в одной выпивке. Товарищи! В комиссию поступило заявление о том, что Гончук... служил... у белых.

И сразу стало тихо, будто живые превратились в мертвых. Головы повернулись в сторону Гончука.

Бледный, с горящими глазами, он рванулся к председателю:

— Так может это вы за Киев спрашиваете? Верно, был там и качался на «Добровольце». Не отрицал никогда и отрицать не стану.

Рабочие ближе сдвинулись к столу проверочной комиссии.

— Десять лет тому назад...

II

— ...Красные части отступали на север и северо-запад от Киева. На Кре-

«Не веришь, что живой? Идем, докажу...»

шатике, Владимирской, Фундуклеевской зашевелилось офицерство, настоящие кадровики, с золотыми погонами. Кто месяцами прятался в соломе, все из нор выползали. Жизнь пошла буржуйская, на полный ход: церкви, рестораны, магазины, гулянки, оркестры, дорогие наряды...

Меня перед тем ранило в мякоть, уйти не успел, пришлось маскироваться. Провалился я полторы недели. Дело к сентябрю двигалось, дни стояли янтарные. Вышел я как-то вечером прогуляться, в Купеческий сад поплелся. Народищу там — как песку на морском пляже; оркестр со всякими цимбалами.

Сел на скамеечке, слушаю музыку. Барабан ухаёт. Только слышу, другое что-то ухнуло, не схоже на барабан. Да как брызнет по кустам шрапнелью! Пыль, дым, свист, грохот... Публика—кто куда. А вместе с дымом и пылью понеслась паника.

Шевельнулись штабы, зазвенели телефоны, восстанавливая нарушенное равновесие. По городу расклеили объявление коменданта: такого-то мол числа на пароходах подходили к Киеву красные банды и обстреляли город. Получив об этом донесение, верховный главнокомандующий генерал Деникин приказал принять меры к уничтожению. Ну, много было в приказе нагорожено и между прочим о призыве всех запасных моряков и водников на службу в речную флотилию.

Киев быстро переменял свою обрисовку. По улице зарыли матросские форменки, зачернели бушлаты, затрепетали на бескозырьках ленточки. Погнали нас на речные коробки, начали мы клеить из них канонерки. Я клеил «Добровольца», после на нем остался рулевым. Так вот, иду я однажды на пристань. Навстречу мне какой-то морячок тралит. И какие же он повороты делал, какие колена заворачивал. — ни одному боцману не распутать. Ну, думаю, как бы не потерпел аварии, надо помочь дружку. Подхожу ближе и прямо ахнул:

— Полундра, братишечка! Бутылочка раскубренная, душа с тебя вон! Да где же тебя так раскоцали? Черненко! Да ты ли это?

Оказался он самый. С забинтованной головой Черненко здорово напоминал человека, которого только что исколотили в драке: он стонал, охал, сжимая зубы, покачиваясь. Схватил я его за руки, тряс, а он кривляется по-обезьяньи и бормочет:

— Ой, мамоньки, ни одного шангоута не осталось в целости. Наскочил на риф и вдрызг, факт...

И тут же затянул нашу прежнюю, «боевую»:

На рубль баварии,
Но без аварии,
Матросик — пьяница,
А с ног не свалится...

Должен признаться, сильно я встрече обрадовался. До того взволновался, что обнул Черненко и кричу:

— Так мы же с тобой дерябнем, ой-ой! Такие разведем пары, вся флотилия зайвится в Подол.

Взял я его под руку, веду остороженько. Подходим к пивной. Странное дело: парень мой тут тверже взял шаг, а у двери совсем выпрямился. Смеется:

— Ты вот что, бросай канитель.

Я глаза пялю на такую перемену, а он еще добавляет:

— Не веришь, что живой? Идем, докажу.

На-ходу сорвал бинт и освободил голову от тряпок. Поглядел я на него и

сам себе не верю: здоровый человек! Как есть здоровый. Думаю, на кой чорт ему маскарад?

— Удивляешься? О-о-о... дела на большой палец. А бинт почему? Понимать нужно. Только что бежал от красных из Гомеля. Для легкости решил перевязаться, так легче проскочить.

Надо сказать, Черненко я знал еще по службе на «Евстафий». Тогда нас считали за большевиков. И так мне муторно стало; говорю ему с укором:

— Ты бежал, а я застрял; видишь, какие дела. Ты хорош гусь, да и я не краше. А в Севастополе, на митингах, помнишь...

— Да ничего не помню, — горячился Черненко. — Ну тебя к монахам, засынешься здесь с тобой. — А потом добавляет: — Жаль вот, нет порядочных документов. А то пошел бы я вместе с тобой на канонерку.

Вижу я, страдает парень; и хочется, и колется. Тут уж предложил я без стеснения:

— Ну, братишка, говори прямо, не бойся: хочешь на «Добровольце» покочаться? Быстро обтяпаю. Получишь робу, шамовки вволю, посудина у нас добрая, парходишко на-ять. Жаль только, в плохие руки попал. Ну, да разве и гадам нельзя послужить... так, чтоб на всю жизнь запомнили...

Обрадовался Черненко, шепчет: — А примут без документов? Может, не рыпаться?

Чудак, он еще сомневался! Спрашивается, на кой ляд понадобились документы, когда матросов-то у белых кот наплакал и лапкой загреб?

Объяснил я ему:

— Да разве там матросы? Гимназисты, шантрапа, крупа, пассажиры, инфузории. Баб скоро будет брать. Пришлось мне испытать на деле. Крикнул я одному: «Вяжи узел штыком!» Так что же ты думаешь? Мотнул он в кубрик, как чумовой, притащил с винтовки штык и давай на него наматывать перлинь. Вот какая у нас служба! Ну что ж, идет на пару?

Начало разговора у нас получилось веселое. Но не успели мы добраться до середины, как подходит к нам буфетчик и заявляет:

— Медведя в кредит не убьешь, подавай наличные.

У нас в кармане ни ерша, нечем крыть. Поднялись мы и потопали к трапу.

А на другой день Черненко и на службу устроился. Так мы с ним начали на пару свою службу. Эх, жаль покойника, хороший был парень! Будь он здесь, многое мог подтвердить. Оказывается, он был подослан в Киев как подпольник. Погиб бедняга, не дождался нашего торжества.

Тут мало придется досказать, хотя и служили мы у белых долго, месяца два. О самой службе что говорить? Не шла, а кувыркалась, через пень в плетень, через край в колоду, лишь бы вид был форменный. Все ожидали похода, а в остальном дело решенное, я с Черненко заранее договорился.

III

Вытирая обильные капли пота, Гончук обернулся в сторону Васина, будто в поисках поддержки:

— Конечно, товарищи, обвинение тяжелое, служба у белых прежде всего несовместима с партийностью. Но какая служба? Будь здесь покойник Черненко, он бы подтвердил, а так нет живых свидетелей...

— Не беспокойтесь, товарищ, свидетели найдутся, — прервал Гончука пред-

седатель. — Скажите, в боях вы участвовали на стороне белых?

— Участвовал в одном бою, у Печек. Тогда и в плен ушел вместе с канлодкой, с «Добровольцем» значит.

— Может, расскажете, как все произошло?

— Очень просто, — Гончук виновато улыбнулся. — Узнали мы от писаря, что белая флотилия будет высаживать десант у Печек, чтобы уничтожить красную флотилию. Нарядили мы одну девочку, послали с донесением в штаб дивизии, на правом берегу Днепра. Сами тоже начали готовиться. И все вышло как по-писанному. Не успела белая флотилия проделать половину дороги, как из-за поворота реки шваркнула первая шрапнель, за ней вторая и пошли очереди. Ясно вижу: прямо на нас прет канлодка, шкварит из всех трех орудий. Ну, чего тут раздумывать? Стою у штурвала, подмигиваю Черненко: действуй мод, браток. Он и подействовал, как было уговорено: подбежал ко мне, з роде разговор важный производит, а сам напильничком по штуртросу шебурит и шебурит. А я поднажал на штурвал, да так, что дух захватило. Штуртрос-то и хлопнул.

Побагровел капитан, кричит:

— Свoločь, право руля! Расстреляю!
— Не действует руль! — кричу в ответ. — Заклинило.

«Кричи, не кричи, думаю, под выстрелами несоро до причины доберешься». А руль-то как был поставлен, так и продолжал действовать, пока пароход не вкатился на отмель. Теперь вижу, конечно, довольно воевать. А красная канлодка шкварит, и никаких.

Вижу, капитан рвет с себя китель и бултых за борт. Офицеры и команда, которая из благородных, тоже пошли за капитаном. А нам терять нечего, свернули орудия на борт и давай палить по своим, по белым то есть. Эх, вот когда мы с покойником шумели на полный ход...

— Так вот, товарищи, — поднялся председатель. — Все слышали рассказ товарища Гончука? Может, это неясно, высказывайтесь. Какие будут предложения и так далее, говорите.

— У меня есть вопрос, — послышалось в задних рядах. — Можно?

— Говорите, товарищ.

— Знала ли комиссия по чистке партии о тех фактах, которые товарищ Гончук сейчас рассказывал?

— Товарищи, — чуть смутился Гончук, — я факта не скрывал, да и незачем было. В двадцать первом году на пресверке участвовало десятка два товарищей-днепровцев, участников боя. Они знали всю заворошку, без документов поверили. А в двадцать девятом даже вопроса не поднимали, по случаю полного доверия.

— Позвольте мне, товарищи, — поднялся раскосый низенький человек в рабочем платье. И, не ожидая разрешения, продолжал: — Я сам был на фронте у Днепра и как сейчас помню, один раз в разведке задержали мы гражданочку. Говорим: куда прешь в подозрительном виде, в штанах то есть? А она отвечает: матросы наладили, вот и пру, пока не докачу в штаб красной дивизии, на которую вся надежда. Проверили. Действительно пришла девочка гонцом от матросской братвы из Киева. А товарища Гончука на заводе мы вполне знаем, наш он, до последней гачки, вот что главное. И потому я объявляю горячо: побольше таких героев, которые дрались со всякой свoločью. Нам еще придется повоевать на боевых фронтах

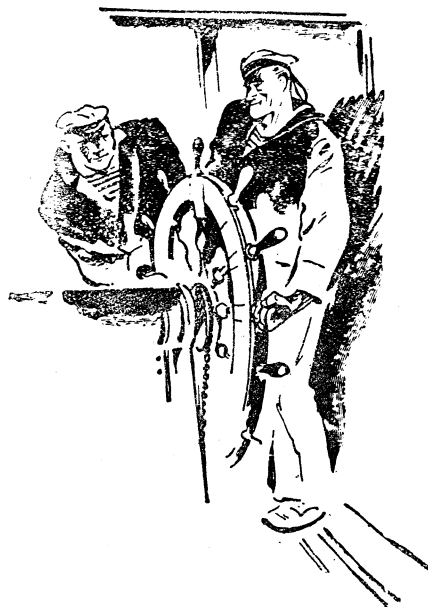
и прочих, где нам мешают всякие сопатые оппортунисты и гундосые вредители, которых мы к ногтю со всей пролетарской энергией, чтоб выправить линию. Да здравствует Ве-Ка-Пе, наша родная коммунистическая партия, которой я говорю от беспартийных рабочих-металлистов: многая лега! Ура!

Раскосый взмахнул замасленной кепкой. Из нее выпали на пол продовольственные талоны, смутив владельца своим появлением. Он подобрал листочки и улыбнулся соседям с таким видом, будто хотел сказать: извините дескать, дело житейское.

Секретарь ячейки говорил недолго, он считал вопрос ясным:

— У Гончука нет документов, подтверждающих его подпольное лицо. Но мы все его достаточно знаем и, сказать по совести, голосуем за доверие к его прошлому. А что касается документов, то всегда найдется возможность их оформить.

Кудрявый парень со значком КИМ на борту тужурки поднялся вслед за аплодисментами, которыми было встречено выступление секретаря ячейки. Слова он произнес отрывисто, повышая голос к концу фразы:

Черненко незаметно напильничком по штуртросу шебурит и шебурит...

— Товарищи, одно дело — да здравствует Ве-Ка-Пе, другое, когда мы слышим, что проверяемый товарищ был на службе у белых, подвержен пьянству и в политическом отношении, как видно, тоже не сильно подкован. На честном слове здесь далеко не уедешь. У нас нет основания не доверять товарищу. Но еще меньше основания верить на слово, чтобы не остаться в дураках, как сказал Ленин о таких, которые верят на ура. Поэтому предлагаю, пусть товарищ Гончук докажет документами, что он действительно по ранению остался в Киеве и, мобилизованный белыми, содействовал даче в плен парохода. А сейчас предлагаю оставить вопрос открытым...

Гончук побледнел; он внезапно потерял слух, зрение и способность речи. В сознании смутно маячили лозунги по стенам клуба и три сотни людей, которых он не видел, и перестал воспринимать их близость. Он не слышал, что говорили другие ораторы, и только глухой гул горячих споров заставлял пово-

рачиваться во все стороны, словно в поисках спасительного убежища. Очнулся он, когда кругом кричали:

— Просим! Просим!

Председатель комиссии расправил плечи и начал:

— День был сереньким, коротким, как всегда осенью...

IV

...Вот в такой именно день нашей флотилии был отдан приказ: выступить в поход на Киев.

Я находился на «Ястребе», которому назначили идти в разведку. Прокопченный махоркой и пароходным дымом, командир стоял на мостике, рядом с ним сигнальщик, а я на баке пристроился, невдалеке от пушки. На этот раз нашему «Ястребу» не повезло. Сигнальщик проворонил и тревогу пробили лишь тогда, когда высоко в воздухе прогудел снаряд и лопнул вдали под берегом, распутив над водой серые космы дыма.

Мгла и прибрежные ивы на повороте скрадывали видимость горизонта, но все же мы ясно видели, как закурчалась дымками южная сторона реки. Это была денкинская флотилия, — три парохода, насколько можно было судить по дыму из труб.

— Конфуз, брат ты мой! — кричит комиссар командиру. — Крути назад, успеть бы своих предупредить.

Командир кулаком молотит по стойке от ярости. Кричит не своим голосом в переговорную трубу:

— Степка! Нос свороти, а прибавь узел! Самый полный! Да гляди, едрена палка, пары не упусти! Сам лопни вместо ветрогонки, а прибавь узел!

Машина стонала и захлебывалась от волнения. Гудели в топке дрова, спотыкалась, мотались шатуны, гулко ворочался коленчатый вал, нервно шлепали плечи.

Я стоял у баковой пушки, сжигая глазами командира. Я не мог понять почему мы не огрызаемся на падубу. Но пароход начал поворачивать, то есть ложиться на обратный курс, и в это самое время я услышал долгожданное:

— Эй, на баке! Ванька! Стругани через косу!

Я так и дернулся вместе с орудием. «Ястреб» качнулся от удара, зарылся носом и стал на дыбы, будто желая рассмотреть получше, кто это дерется. По реке явственно донеслось глухое хлокотание моторов. Я повернул голову на звук и увидел издали два пенных холма. Догоняя друг друга в быстром беге, они клубились по воде.

— Катера гонятся! — крикнул сигнальщик с марса и почти в тот же момент сорвался с мачты на кучу флагов, оглушенный лопнувшим снарядом.

«Ястреб» ошетинился. Старая машина напрягала последние усилия, чтобы спасти пароход от погони. Вздогонку свистели пули, наполняя воздух злобным воем раздраженных ос. Заглушая рокот моторов, с катеров резко строчили пулеметы. Звякнуло стекло иллюминатора, расщепленное пулей. В пароходной трубе гудело, как на Сухаревском рынке. Лежа на юте, куда я перешел от бесполезной баковой пушки, я на всякий случай приготовил две ручных гранаты. Решил бесповоротно живым в руки не даваться. Лежу и пуляю из винтовки по катерам.

Вот-вот догонят катера. Простым взглядом вижу, как на переднем растянулась фигура с офицерскими погонами и ладит по нас из пулемета.

— Ах ты, гидра гадовая! — кричала, поднимая винтовку. — Ах ты, вредитель

красной революции, запродажная твоя морда, кровосос черносотенный! Вот я тебе...

И беру на мушку. Поймал и—обомлел! Что за штукавина? Офицерик ручками замахал и на-бок. А следом за ним весь катер крутнул носом да как ахнет на воздух. Прямо на мелкие кусочки разменяло. Я еще подумал: «Вот так выстрел!» Сроду не ожидал такого результата. Вижу однако и от второго катера одни щепки полетели. Нет катера.

Тут я вполне опомнился. Слышу, наши кричат «ура». Излучины реки и высокие ивы по берегу скрыли подход красной флотилии. Канлодки шли пол-

ным ходом, срубив мачты, чтобы противник не так скоро обратил внимание. Они-то и угробили катера из дальнобойной артиллерии. Пропустили мы своего флагмана вперед и сами повернули обратным курсом.

Вот тут-то и случилось, о чем вкратце упомянул товарищ Гончук. Мы вдруг заметили, как один из белых пароходов затанцовал на месте, покатился к берегу, ткнулся носом в песчаную отмель и остановился. Наш «Ястреб» к нему. Кто жарит из пулемета, кто из винтовок, я—из своей баковой пушки. Не стрельба, а настоящий чертополох. А я слышу, комиссар с марса надрывается:

— Прекратить стрельбу! Пре-е-кратить о-огонь!.. Сигнал на пароходе, сда-а-ют-ся!..

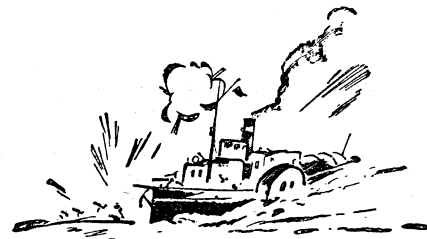
А от парохода к берегу, как водяные блохи, разные человеческие фигуры гонят без удержу, нет спасения. Это которые гимназисты и разная сволота с перепугу пошли вплавь, чтобы не попасть в плен.

Бросились мы на шлюпке к пароходу. Гончук запомятовал, пускай припомнит он первый крикнул:

«Скорее за штуртрос, братишечки! Он перечикан в одном месте, плевое дело соединить!»

«Я из своей баковой пушки жарю по белому пароходу...»

В лицо он меня не помнит сейчас, а тогда... позвольте мне, товарищи, и себя прочистить в порядке самокритики. Тогда мы с Гончуком в капитанской каюте раздавили... бутылку коньяку, настоящего, белогвардейского. А через полчаса «Доброволец» вступил в строй нашей героической красной флотилии...

★

— Так это ты? — крикнул Гончук, наваливаясь на председателя. — Так ты тогда был черный, как арабский брюнет! — От фронтového дыма да воды без мыла, понимаешь! Да что говорить...

Бывшие матросы обнялись в братском поцелуе.

Резолюцией собрания явился взрыв оаций. Они не прекращались до тех пор, пока Гончук не занял место в рядах коллектива, чтобы в товарищеской обстановке продолжать проверку других его членов.

IX-му С'ЕЗДУ
Всесоюзного Ленинского
Коммунистического Союза
Молодежи, собирающемуся
в Красной Москве, от сотен
тысяч читателей „Всемирного
Следопыта“, разбросанных
по необ'ятной территории Со-
ветского Союза,
ГОРЯЧИЙ ПРИВЕТ!

К ПОДПИСЧИКАМ И ЧИТАТЕЛЯМ НАШЕГО
ЖУРНАЛА

ДОРОГИЕ ТОВАРИЩИ!

Последние месяцы с особой яркостью показали опасность возникновения новой кровавой бойни. Очевидность новой вооруженной интервенции, подготовляемой международным капиталом, очевидность новой попытки в морях крови потопить все завоевания Октября сейчас уже ни у кого не могут вызвать сомнений.

Недавно опубликованные статьи г. Пуанкаре — одного из виднейших представителей империалистического Запада и организаторов бойни 1914 года, за свои «подвиги» заслужившего прозвище «Пуанкаре-война» — еще раз утвердили нашу уверенность в близости интервенции.

Долг каждого гражданина Союза республик — всеми средствами помочь защите границ Советского союза.

Рабочие и служащие Государственного издательства юношеской и детской литературы «Молодая гвардия» решили построить самолет «Молодогвардеец»

В настоящее время уже собрано свыше 50% требуемой для постройки самолета суммы.

Коллектив издательских работников обращается к вам с просьбой: принять участие в постройке самолета, отчислив полпроцента от вашего месячного заработка в фонд постройки «Молодогвардейца».

В предстоящую годовщину Красной армии самолет должен реять в воздухе.

Взносы перечисляйте на наш текущий счет № 546438 в 10 гор. отделении Московской гострудсберкассы.

Комиссия по постройке самолета

ПОСЛЕДНИЕ ЗАПИСИ АНДРЭ

С. Андр 

Счерк И. УРАЗОВА

ИЗ-ЗА ЧЕГО ПОГИБ АНДР 

6 августа 1930 г. на южном берегу Белого острова был найден лагерь шведской экспедиции, отправившейся в 1897 г. на воздушном шаре «Орел» к северному полюсу. Найдены были также два трупа, в одном из которых был опознан руководитель экспедиции инженер Андр . Мы не будем повторять истории отправления воздушного шара и тех сведений, которые имелись об Андр : об этом в свое время писалось много. Здесь мы расскажем о том новом, что еще не было опубликовано в СССР.

До сих пор история гибели Андр  оставалась загадкой. Найденный через 33 года лагерь вызвал ряд предположений о причине гибели этой первой воздушной арктической экспедиции.

К счастью в карманах Андр  сохранились записные книжки, которые должны были пролить свет на историю этого исключительного путешествия. Кроме книжек сохранился и фотоаппарат Андр .

Теперь крупным специалистам удалось проявить снятые 33 года назад фотографии, а в Стокгольме на шведском языке опубликованы и записи Андр .

По ним проф. Литберг попытался воссоздать картину гибели Андр  и его спутников. Прежние предположения о том, что исследователи погибли от голода, израсходовав последние запасы провианта и патронов, отпали. Экспедиция погибла из-за отсутствия теплых вещей. Аэронавты имели вязаные перчатки, рубахи из шерсти и тонкие гетры. Все это не могло предохранить их от арктических морозов.

Возможно, что после катастрофы (записи о которой приведены ниже) все трое еще пытались покинуть Белый остров и пробраться по льду к Шпицбергену.

Первым погиб Стриндберг. Андр  и Френкель еще пытались бороться со смертью

65 ЧАСОВ НА АЭРОСТАТЕ

Аэростат пролетел 65 часов (в то время рекордной цифрой полета было 11 часов).

Интересна запись 12 июня (второй день полета):

«Хотя мы могли сбросить балласт и ветер возможно понес бы нас к Гренландии, мы решили все же удовлетвориться тем, что мы стоим на месте. Сегодня мы вынуждены были сбросить много балласта и ни на минуту не сомкнули глаз из-за повторяющихся толчков. Больше мы не в состоянии держаться. Мы все трое должны отдохнуть и в 11 ч. 20 м. я отослал Стриндберга и Френкеля лечь. Я предполагаю дать им поспать до шести или семи, если я до того времени сумею продержаться на ногах. Потом я хочу попробовать отдохнуть сам. Я боюсь, что если кто-нибудь из них погибнет, то оттого,

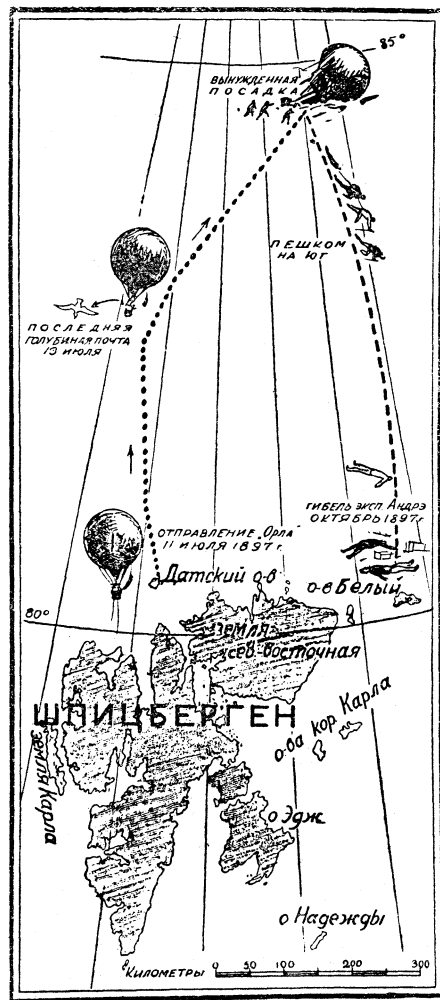
что я их переутюжил. Действительно, чудесно плыть над полярным морем в качестве первых на воздушном шаре. Хотя — скоро ли у нас будут последователи? Будут ли нас считать сумасшедшими или последуют нашему примеру? Не могу отрицать, что всеми нами тремя владеет чувство гордости. Мы думаем что можем умереть после того, как выполним то, что нам удалось. Что это — честолюбие?..

Шелест каната о снег да хлопанье парусов — единственные звуки, кроме хруста гондолы шара»...

О вынужденной посадке Андр  ничего не пишет. 22 июля экспедиция тронулась на санках к югу. 11 августа путешественники были на 83-й широте, 7 сентября — на 81-й. 17 сентября достигли Белого острова.

Если посмотреть на карту пути Андр  и его спутников, нельзя не удивиться мужеству трех одиноких людей в снегах Арктики.

Последние записи Андр  мы приводим ниже. Они свидетельствуют о редком упорстве, героизме и силе первых полярных путешественников.

ИЗ ДНЕВНИКА АНДР 

20 сентября.

Теперь у нас столько мяса, сала и т. д., что нам будет трудно защитить все это, если ночью нас посетят медведи. Мы сложили наши запасы над окном палатки и наложили на них различные вещи. Вопрос, как нам наладить наш быт, здесь, в стужу, является жгучим. Два последних дня погода очень приятная. Зато нельзя скрыть, что между нами начались первые пререкания. Надо надеяться, что это семя не даст ростков и не разовьется.

21 сентября.

Блины из тюленей мороженой крови: 275 грамм крови, дрожжей на кончике ножа, вместо соли 3 столовых ложки соленой воды, 200 грамм кусков мяса и 150 грамм жира. Блюдо можно было есть уже через восемь минут, но мы дали ему жариться немного больше. Нам не удалось добиться того, чтобы блины сохранили свою форму; поэтому мы помешивали массу во время жарения. Вкус — превосходный.

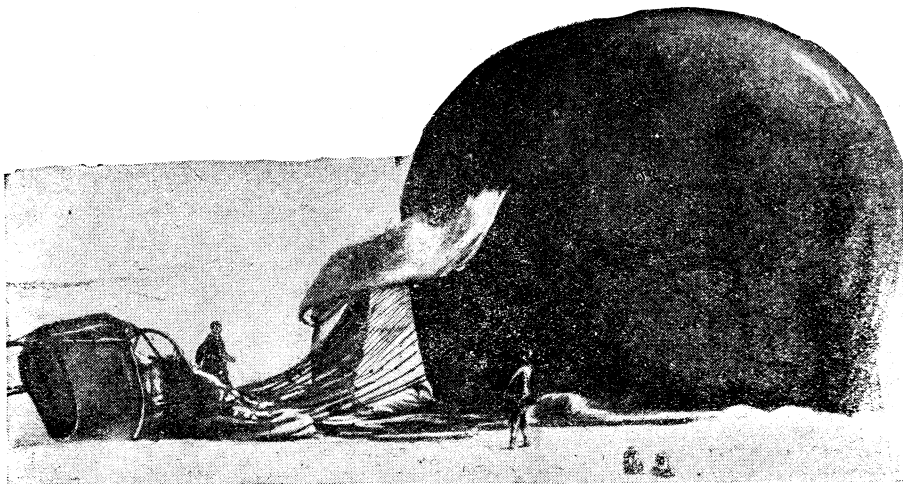
Мы установили, почему не действовал кипятильник, — решетка оказалась забитой частицами угля. Большую часть дня Ф. и С. работали над сооружением дома. Я содрал шкуры с тюленей и убил трех полярных чаек. День был короток, потому что мы устали еще от долгой вчерашней работы.

23 сентября.

Сегодня мы все трое прилежно работали над постройкой, выкладывая стены из ледяных глыб. Дело подвигается вперед очень хорошо, и постройка уже начинает иметь в некотором роде важный вид. Еще пару дней такой погоды и такого усердия в работе — и мы сумеем в'ехать. Наши запасы мы сможем пожалуй перенести в хижину уже послезавтра. Да и пора. В качестве цемента мы употребляем снег, смешанный с водой. С умеет очень искусно пользоваться массой, задепливая ею последние швы между стенами.

Теперь у нас правильное расписание дня с восьмичасовым рабочим временем. Сначала 2½ часа работы, потом ¼ часа на завтрак, затем работа до 4 ч. 45 м. В этот час мы обедаем и ужинаем одновременно. Теперь мы попробовали и мясо нерпы и находим, что оно исключительно вкусно.

Одно из существеннейших улучшений в нашей кухне состоит в том, что мы прибавляем кровь в подливку к жаркому. Подливка от этого становится гуще и вкус у нее такой, как-будто в ней разварен хлеб. Я могу только думать, что кровь содержит много углеводов, потому что, с тех пор как мы начали готовить кушанья с кровью, наш голод по хлебу стал слабеть. На этот счет у нас общее мнение.

Воздушный шар Андрэ после спуска на землю

Мы нашли, что у медведя нерпы, тюленя и полярной чайки все с'едобно (за исключением разумеется медвежьей печени).

Из-за недостатка времени мы не могли освежать и взвесить нашу добычу, но я думаю, что мы запаслись салом и мясом до самой весны. Несмотря на это, мы должны стрелять еще больше, чтобы увеличить порции и обеспечить себя материалом для отопления и освещения.

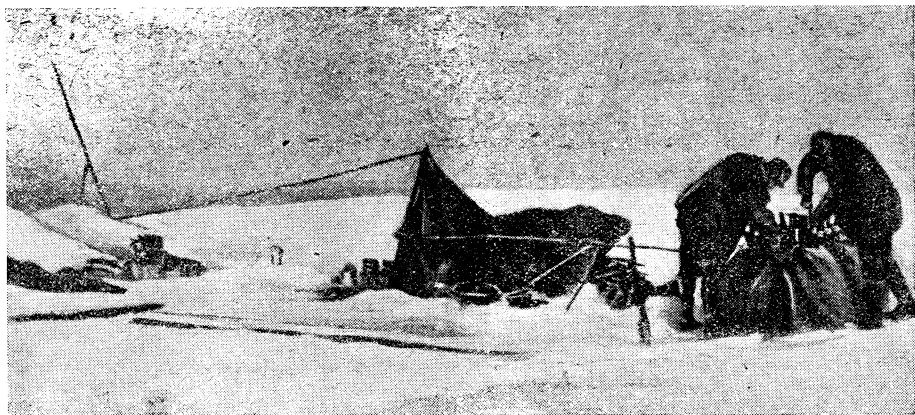
29 сентября.

Мы все еще на южной стороне острова. Польны затянулись и тюлени исчезли. Зато теперь появились медведи, они посещали нас позавчера и вчера ночью.

Сегодня утром, когда мы встали, Ф. высмотрел медведя. Нам удалось подкараулить его за хижинкой. С. прострелил ему шею и уложил на месте, но через несколько секунд непрошенный гость снова поднялся и начал прыгать. Я сделал выстрел, который свалил медведя, но он сделал новые усилия и начал снова прыгать. Наконец выстрелил Ф. и медведь остался лежать в луже. Мы подобрали его с криком ура. Это был сильный старый самец.

Тот медведь, который был здесь вчера

ночью, два раза пытался утащить одну из убитых нами нерп но С. удалось так

Лагерь свертывается. Слева Андрэ, справа его товарищ Френкель

близко подползти на животе к похитителю, что тот испугался и бросил добычу.

Наша льдина устрашающе крошится почти около хижинки и берег наступает все ближе. Но между берегом и хижинкой

Второго мы надеялись закончить все снаружи. Но случилось иначе.

Утром второго, в половине шестого (по местному времени), мы услышали треск и гул, вода полилась в хижину. Мы торопливо вскочили и увидели, что наша прекрасная большая льдина раскрошилась на множество маленьких льдин. Трещина расколола льдину как раз вдоль стены хижинки. Кусок льдины, оставшийся в нашем распоряжении, имел в диаметре только 24 метра, и одна стена хижинки скорее висела под крышей, чем ее подпирала.

Это была плохая перемена нашего положения и наших перспектив. Хижина и льдина больше не могли служить нашим убежищем, но — по крайней мере на первых порах — мы должны были оставаться здесь.

Мы были достаточно легкомысленны, чтобы и на следующую ночь лечь спать в хижине. быть может потому, что день был очень утомительным. Наше имущество было разбросано на многих осколках нашей льдины, которые плавали здесь и там. Уплыли например две медвежьих туши, представлявшие запас продовольствия на три-четыре месяца. К счастью погода была хорошая и мы могли работать проворно. Никто не потерял мужества. С такими товарищами можно продержаться до конца, что бы ни случилось...

★

Это были последние слова Андрэ.

Стриндберг и Андрэ перетаскивают лодку, поставленную на сани, через трещину во льду. (Эти снимки, сделанные Андрэ, пролежали во льду 33 года. С большим трудом и предосторожностями их удалось проявить и напечатать.)

„ОПАСНЫЙ РЕВОЛЮЦИОНЕР“

Рассказ А. СМЕРНОВА-СИБИРСКОГО

Рисунки Н. КУЗНЕЦОВА

25 лет прошло со дня событий, рассказанных Смирновым-Сибирским. Оголтелая жандармско-полковничья свора, опьяненная легкой победой над почти невооруженными рабочими на баррикадах, расправилась с ними с беспощадной жестокостью. Недаром придавали такое значение царские палачи **вооружению пролетариата**. Достаточно было... Но прочитайте лучше рассказ.

I

Сухо щелкнул выстрел. Козел подпрыгнул словно подброшенный пружиной и в мгновение ока скрылся за каменной глыбой.

Осмотрев след, Павел стал поспешно заряжать ружье, а в следующую минуту он уже мчался по размашистым стежкам. Зверь был ранен: на снегу рубиновыми каплями адела кровь.

Но рана вероятно была несерьезной: козел шел широкими скачками. Выскочив из каменной россыпи, он описал дугу, перемахнул редким кустарником через падь и снова пошел к каменному завалу, откуда началось подножье гольца. Эта повадка хорошо была известна Павлу: получив свинцовый гостинец, козел всегда старается забраться повыше в камни, думая, что это спасет его от преследования.

И действительно, лезть на голец было очень трудно. Снег местами доходил до пояса. Павел однако не хотел сдаваться, продолжая погоню с тем упорством, на которое способен лишь охотник. Характер следа говорил, что зверь ослабевал. Размер стежков уменьшался, а кровавые капли становились чаще и обильнее. В одном месте они собрались в большое пятно—тут козел делал передышку. «Скоро ляжет», подумал Павел и с новой энергией полез на камни.

Выйдя из камней, след метнулся к зарослям кедрового сланника и тут энергия охотника вдруг ослабела. К следу козла присоединились два новых следа, и Павлу не пришлось долго ломать голову над тем, кому они принадлежали: это стеганули за козлом волки. Продолжать преследование теперь не имело смысла. Серые хищники наверно уже настигли козла и охотник найдет от него одни лишь клочки.

Досада охватила Павла: столько лопил и—впустую! Но может быть он успеет еще отбить добычу, а заодно и прочувствовать этих наглецов? Куда там! Волки расправились с козлом у следующего завала, но когда туда подошел Павел, их не было и в помине. Кровожадные до наглости, эти бестии были в то же время слишком трусливы и хитры, чтобы подвергаться под выстрел.

Пятна крови, рога и несколько клочков шерсти—это было все, что волки оставили охотнику. Осмотрев все это, Павел выругался по адресу хищников и, круто повернувшись, отправился назад, стараясь идти напрямик. К двум часам ему надо было поспеть домой, чтобы заступить на дежурство, — он служил стрелочником на одной из станций Кругобайкальской дороги.

II

— Ходишь, ходишь, а все без толку,— встретила Павла его жена. — Машинист вон намерднись лисицу приволок, а ты хоть бы белку Петруньке на шапку сшиб. Ходить мальчонке не в чем.

— Снасть другую надо завести, тогда и лисицу можно сшибить, — сказал Павел. — Разве у меня ружье? Палкой скорей можно убить, чем таким ружьем.

Действительно, одноствольная шомполка Павла никуда не годилась, она бессовестно «живила». Стреляя из нее, нельзя было рассчитывать на успех на расстоянии даже десяти шагов. Такие ружья попадают и среди дорогих сортов. Охотиться с ними — это значит портить даром дичь: получив заряд дробь, она уходит от охотника и потом погибает.

Волки уже не в первый раз лакомились результатами охоты Павла, а случай с козлом был особенно досажен: охотник стрелял в него пулей и притом с расстояния всего лишь пятнадцати шагов. Что же будет, если ему доведется померяться силами с медведем? Правда, до сих пор он благополучно уклонялся от встречи с таежным хозяином, но так не будет продолжаться вечно. Косолапому надоест расхотеться с ним подлопу поздорову, и когда-нибудь он может первым полезть в драку.

Такие мысли бродили в голове у Павла, когда он в этот вечер крутил рычаги стрелок, встречая и провожая поезда. Утром он сходил к начальнику станции и получил от него двенадцать рублей—свое жалованье за месяц. Обычно он все деньги отдавал жене, оставляя себе лишь полтинник на махорку, но в этот раз удержание равнялось целой пятерке.

— А остальные где? — всплеснула руками Анна.

— Остальных ты не увидишь, на ружье отложил, — ответил Павел.

— Вот еще чего выдумал, на ружье... И это хорошо? Что я буду делать с семью рублями, когда и двенадцати не хватало? Одному лавочнику трешницу задолжали.

— Крутись как-нибудь, лавочник может подождать.

Вышла перебранка, но Павел был тверд. Отстояв от жены пятерку, в следующую получку он решил удержание увеличить до семи рублей, чтобы сразу обзавестись новым ружьем. В соседнем поселке один из охотников продавал за двенадцать рублей очень хорошую берданку.

III

Крепко брали морозы. На Байкале закрылись последние отдушины.

Орудия лопатой, Павел очищал от снега станционные стрелки. Ночью была жестокая пурга. Покончив с главной линией, Павел пошел готовить третий путь для приема товарного состава. Очищая стрелку, он обратил внимание на торчавший из снега ремешок, нагнулся, потянул и вытащил из-под снега... новенький трехлинейный карабин.

Сначала даже оторопел. Откуда взялась эта штука? Но в следующую ми-

нуту сообразил: ночью на этом пути стоял поезд с солдатами, возвращавшимися с войны из Манчжурии, — в ту зиму сибирская дорога была забита воинскими поездами. Карабин вероятно выронили из теплушки, не заметили потери сразу, а потом ее замело снегом.

Повертев в руках карабин, Павел воткнул в снег лопату и направился к станции, чтобы сдать начальству находку. Но пройдя десяток шагов, вдруг остановился. А почему собственно он должен сдавать находку? У казны этого добра много, а он с таким ружьем заткнет все хозяйственные дыры. Такой штучкой козлов можно валить чуть ли не за версту...

Постоял, повертел в руках находку и, убедившись, что поблизости никого нет, повернул к своей будке. А вечером Анна получила вырванную из ее бюджета «синенькую».

— А может быть лучше сдать, Павел? — сказала она, пряча деньги. — Все-таки вещь казенная.

— Ну вот еще! Казна не обеднеет. На войне таких винтовок побросали горы. — Павел побарабанил пальцами прикладу. — А что касается того, чтобы винтовку не отобрали, так мы одежду у ней переменим: ложе новое, а номера напильником...

— Не отдавай, папа, — вмешался Петрунька. — Этим ружьем ты убьешь

Павел повертел в руках находку

белку и из ее шкуры сошьешь мне шапку...

IV

Ложе к карабину Павел решил сделать из «муравьиной» березы, то есть такой березы, которая обложена муравейником. Есть у охотников такая примета: ружье с ложем из «муравьиного» дерева принесит счастье.

Раздобыть такую березку Павел думал на следующий день, но сделать этого ему не пришлось. Утром начальник станции объявил, чтобы никто из рабочих и служащих в этот день не покидал станции. — таков был приказ начальника дороги (в 8.30 по московскому времени на станцию должен был прийти экстренный поезд).

Ослушникам грозило увольнение, но молоденький телеграфист, занимавший комнату рядом с Павлом и столовавшийся у его хозяйки, приказа повиному не испугался. Прочитав депешу о приходе экстренного, он прибежал к Анне и попросил собрать его корзину.

— В командировку? — поинтересовалась та.

— В бессрочную, — улыбнулся телеграфист. — Спасаясь от экстренного...

И пока собирал на своем столе бумаги, рассказал, в чем дело: генерал, ехавший с экстренным поездом¹, не очень одобрительно смотрел на железнодорожников, которые любили читать запрещенные книжки и тайком от жандармов собирались на сходки. А так как телеграфист был повинен в том и другом, то товарищи посоветовали ему уехать с первым паровозом на следую-

¹ Меллер-Закомельский.

щую станцию и там переждать проезда генерала.

Уехало несколько человек, но и оставшиеся были не очень спокойны. Кто его знает, этого генерала, слухи о нем были нехорошие. В экстренном поезде будто бы был специальный вагон для арестованных, а генеральский отряд состоял из одних головорезов.

Словом, ждали грозы, не чувствуя при этом за собой никакой особой вины, и лишь Павел отнесся к этому вполне спокойно. Кому-кому, а ему бояться генерала было нечего. Хотя Павел и слыл хорошим товарищем, но никакой политикой он не занимался. Тайга — вот это его дело, но страшный генерал не интересовался охотниками.

V

Уехавший телеграфист был очень скромный парень, но как видно его фамилия была известна в генеральском поезде. Через десять минут после прихода экстренного Павел — он в это время был свободен от дежурства — услышал в коридоре шаги многих ног и брэнчанные шпор. Кучка людей с шашками и револьверами ворвалась в комнату телеграфиста и приступила к обыску.

Книги, вещи, мебель — все было перевернуто вверх дном, а когда смотреть больше было нечего, позвали Павла. Несколькo вопросов о скрывшемся телеграфисте и вопросительный взгляд на стациoнного жандарма: «Что мол может быть тоже крамольник?»

— Замечен ни в чем не был, — пожал плечами жандарм, — а впрочем кто его знает. С телеграфистом дружил...

— Веди в свою комнату, — пробурчал офицер, обращаясь к Павлу.

Пропустив вперед нежданных гостей, Павел стал у притолоки и занялся папирсой, а Анна трясушимися от страха руками стала помогать жандармам перетряхивать несложный скарб. Офицер закурил душистую сигару и воззрился на висевшее на стене ружьишко, — причину охотничьих неудач Павла.

— Охотничаешь?

— Охотничаю, — ответил стрелочник, не вынимая из рта папирски.

— Покажи, — презрительно поморщился офицер.

Павел снял ружье и подал офицеру.

— Прикажете взять? — угодливо шелкнул шпорами усатый жандарм.

— Не стоит... дрянь...

— А хорошую, папа, не давай... Белку застрелишь... — пропищал вдруг детский голосок.

— О чем ты, деточка, говоришь? — встрепенулся офицер, придав своему голосу елейную мягкость. — У папы есть хорошее ружье? Да?

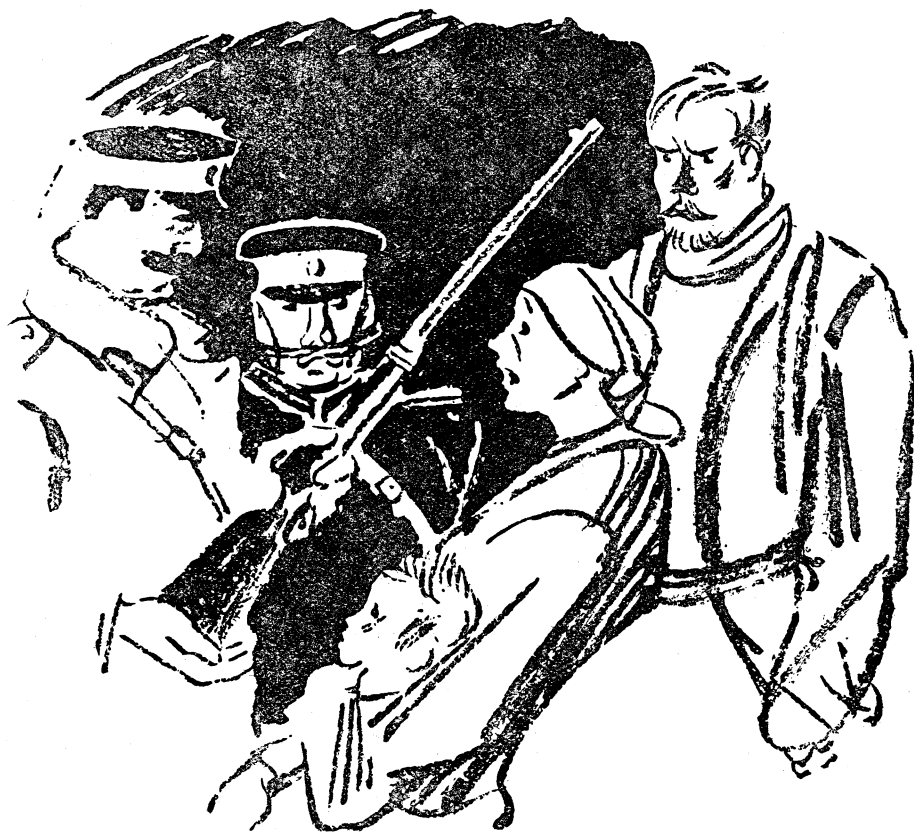
— Есть, только вы его не берите...

— Где? Где?

— Там... на чердаке. — Петрунька метнулся к отцу и заплакал.

Павла расстреляли два часа спустя в лощине у железнодорожной насыпи, и, когда дали залп, кедры сбросили с своих ветвей серебристую кухту. А генерал в это время сидел в своем салон-вагоне и писал:

«...На этой станции удалось захватить опасного революционера с оружием. К сожалению остальные ускользнули...»

Павел снял ружье и подал офицеру

ИЗ ПЕТЕРБУРГА В ЛЕНИНГРАД

20 лет полярных плаваний „Таймыра“. Очерк СКАИФ

17 ноября 1930 г. к Кронштадту с моря подошло небольшое паровое судно и протяжным гудком попросило разрешения войти в гавань. Под рею невысокой мачты брандвахты вскочил черный шар. Судно вошло в гавань и скромно стало к свободному месту около гранитной стенки. В вахтенном журнале брандвахты появилась новая запись:

«В гавань вошло и встало на якорь гидрографическое судно ледокольного типа «Таймыр».

Простая короткая запись, каких ежедневно несколько десятков делается в этом журнале.

На следующий день судно снялось с якоря и через несколько часов завело крепкие швартовы на дамбу одного из ленинградских судостроительных заводов. Обычное дело — кораблю нужен ремонт.

Не все обычно в этом на первый взгляд обычном деле. «Таймыр» вышел из столицы Российской империи — Петербурга, а возвратился в областной центр Советского Союза — Ленинград. «Таймыр» не был в этом городе более двадцати лет и за два десятилетия много необычного произошло в жизни корабля. И это необычное навеки внесло его имя в историю мирового мореплавания..

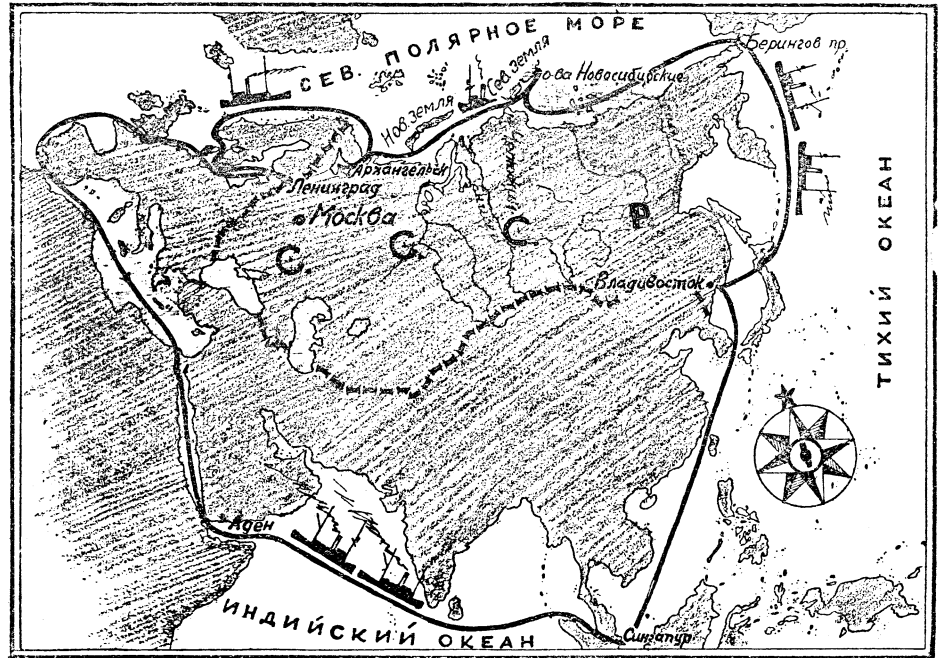
ОБРАТИМСЯ К КАРТЕ

Протяженность государственной границы СССР достигает 53 000 километров. Около двух ее третей являются морской границей, а немного меньше половины морской границы составляет побережье Северного полярного моря, протянувшееся на 19 000 километров. За исключением небольшого Белого моря еся эта северная морская граница лежит далеко за полярным кругом; льды и суровый климат делают ее малодоступной.

Бросим еще один взгляд на карту. Реки, которые перерезают азиатскую часть СССР, несут свои воды на север, в Полярное море. Среди этих рек такие гиганты, как Обь, Енисей, Лена. Вокруг их бассейнов расположились важнейшие промышленные центры советской Азии.

Вот почему уже много столетий назад возник вопрос об использовании многоводных сибирских рек для транспортировки сибирских товаров в Европу. Еще в XVI веке новгородские купцы на своих утлых «кочах» совершали регулярные плавания в устья Оби и Енисея, откуда они вывозили пушнину в обмен на хлеб и другие товары.

В конце прошлого и начале настоящего столетия интерес к северному побережью особенно усилился, что объясняется экономическим развитием Сибири. В торговых и научных кругах громко заговорили о необходимости изучения северных морских путей. Морской транспорт является самым дешевым — это аксиома. Поэтому при полном почти отсутствии железных дорог в Сибири он должен был стать единственной торговой артерией, связывающей с богатейшим севером Сибири,

Карта плавания «Таймыра» вокруг Евразии

Но лед упорно боролся с мореплавателями. Не мало кораблей погибло в северных морях. Жесточайшей ценой вырывали исследователи тайны Севера. Настоячиво боролись они со льдами, лишь на несколько недель в году освобождающихся небольшие участки Полярного моря.

ИЗ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА...

В 1908 г. со стапелей Невского судостроительного завода в Петербурге были спущены на воду два однотипных судна: «Таймыр» и «Вайгач». Каждый из них имел около 1350 тонн водоизмещения и мог ходить со скоростью 12,5 морских миль в час. Оба корабля имели корпуса ледокольного типа, позволявшие им плавать в самых суровых льдах.

9 октября 1909 г. эти корабли вышли из Петербурга, имея на борту «Гидрографическую экспедицию Северного ледовитого океана», во главе с опытным полярным исследователем гидрографом Б. А. Вилькицием.

В задачу экспедиции входило изучение морского пути из Тихого океана в устья рек Колымы и Лены. Тогда этот путь представлялся наиболее удобным для экономической связи с северной Сибирью. Само собой понятно, что экспедиция имела и большое научное значение, так как должна была работать почти в совершенно неисследованных районах, значительная часть которых скрывалась на картах под таинственными «белыми пятнами».

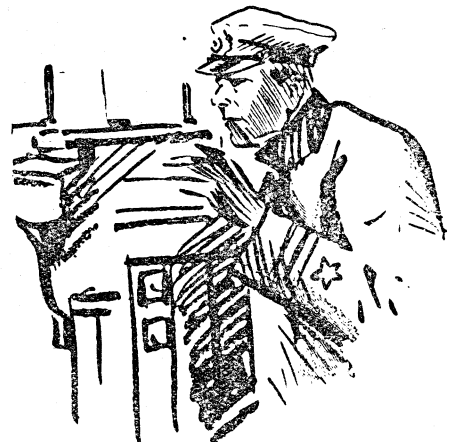
«Таймыр» и «Вайгач» из Петербурга через Балтийское море вышли в Атлантический океан. Обогнув Европу, они вошли в Средиземное море, затем, ми-

новив Суэцкий канал и Красное море, вступили в борьбу с штормами Индийского и Великого океанов. Тяжел был этот путь для небольших кораблей, но они блестяще преодолели его и летом 1910 г. вошли в гавань Владивостока.

ЗА ТАЙНАМИ «БЕЛЫХ ПЯТЕН»

Произведя ремонт потрепанных многомесячной борьбой с океанами машин и корпусов, корабли через несколько недель после прихода во Владивосток вышли в Северный ледовитый океан, а теперь — Северное полярное море.

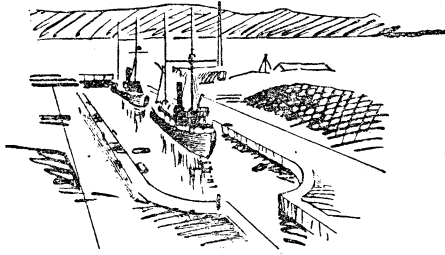
Жестко противодействуя, отдавал океан свои тайны. Но исследователи были упорны. В течение четырех лет проводили корабли по много месяцев в океане, борясь с пловучими льдами, и миллиметр за миллиметром заштриховыва-

Штурман, определяясь, берет пеленг

лись «белые пятна» карты, заполняясь извилистыми линиями и цифрами. Только зимой, когда льды панцирем сковывали океан, уходили корабли в свою базу — во Владивосток.

Насколько тяжелой была эта работа, можно судить по тому, что база экспедиции — Владивосток — отстоит от Берингова пролива, который соединяет Великий океан с Полярным морем, на

«Таймыр» и «Вайгач» во Владивостокском доке

3 000 километров. Это вынуждало членов экспедиции довольствоваться очень скудным пайком и максимально экономить уголь.

Посмотрим еще раз на карту. На сотом меридиане от Гринвича, немного севернее мыса Челюскина, мы видим очертания какой-то земли.

В 1913 г. здесь было «белое пятно». Никто не знал, что скрывается под ним. Ни один исследователь не бывал в этих местах.

НА СОТОМ МЕРИДИАНЕ

В 1913 г. «Таймыр» и «Вайгач» подошли к этому таинственному месту. Закончив исследовательские работы в Восточной части Полярного моря, они намеревались пройти в Архангельск. Корабли дошли до мыса Челюскина и задержались здесь, чтобы обследовать этот неизвестный человечеству район. В 25 морских милях к северу от мыса Челюскина, самой северной оконечности материка, экспедиция открыла большую землю, которая впоследствии получила наименование «Северной земли».

Ясно, что сразу же была оставлена мысль следовать в Архангельск. Исследователи принялись за изучение открытой земли. «Белое пятно» сотого меридиана больше не было тайной. Упорной работой, в постоянной борьбе со льдами обследовали гидрографы метр за метром береговую полосу этой земли, нанеся на карту около 200 морских миль нового побережья с указанием глубин и всех других необходимых для мореплавателей данных¹.

Эта задержка вынудила экспедицию вернуться во Владивосток. Великий северный путь уже был забит льдами. С трудом пробившись корабли в Великий океан, благополучно избежав полярной зимовки.

Четыре года работы «Таймыра» и «Вайгача» в восточной части Полярного моря дали науке настолько ценные данные о полярных областях, что деятельность экспедиции была отмечена во всем мире. Ряд научных организаций и обществ европейских государств наградили ее медалями, которые присуждаются только за величайшие научные открытия и работы.

¹ Но работу по исследованию Северной земли «Таймыр» и «Вайгач» не закончили. Ее заканчивает теперь экспедиция под руководством тов. Ушакова, сотрудника нашего журнала.

ЗИМОВКА ВО ЛЬДАХ

В следующем, 1914 г., «Таймыр» и «Вайгач» снова вышли в Полярное море и опять пытались пройти в его западную часть. Однако льды упорно противодействовали этому. Колоссального напряжения стоила эта борьба. В конце концов корабли сдались. Они решили зимовать во льдах, в открытом море, недалеко от занесенной экспедицией на карту Северной земли.

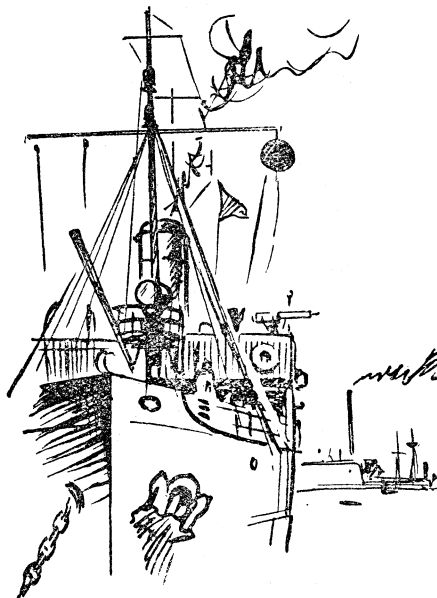
Обычно такая дерзость оканчивается гибелью судна. Стальные крепления его прогибаются и лопаются под напором льда. Другая опасность полярной зимовки — смерть от голода и жестокого полярного мороза. Достаточно вспомнить вынужденную зимовку ледокола «Малыгин», участника спасения экспедиции Нobile в 1928 году, которую он перенес в 1920 г. в Карском море. В начале зимы этот ледокол шел из Чешской губы в Архангельск, имея на борту двадцать пассажиров и сорок человек команды. В Баренцовом море ледокол окружили гигантские ледяные поля, сквозь которые он никак не мог пробиться.

Зима была лютой. Штормы бросали беспомощный ледокол от льдины к льдине. Вместе со льдом дрейфовал «Малыгин» сначала по Баренцову, а затем по Карскому морю. Топлива было недостаточно. Не было зимней одежды. Нехватало пищи. Зимовщики получали горячую пищу только через день, довольствуясь ежедневной выдачей пятидесяти граммов хлеба на человека.

Вскоре весь уголь был сожжен, а к моменту освобождения из льдов на корабле не осталось ни кусочка дерева. Переборки, стулья, столы, деревянный настил палубы — все было использовано для отопления, и только неутомимая энергия спасла зимовщиков от смерти в штормовой темноте полярной земли.

Немногом меньше года простояли «Таймыр» и «Вайгач» на одном месте. Хорошо снабженные топливом и продовольствием, они не ощущали лишения, а сравнительно спокойная зима не угрожала кораблям.

Светлые времена года экспедиция использовала для дальнейшего изучения Северной земли и других гидрографических работ, а многомесячной полярной ночью ученые производили наблюдения над величайшей загадкой полюсов — полярным сиянием.

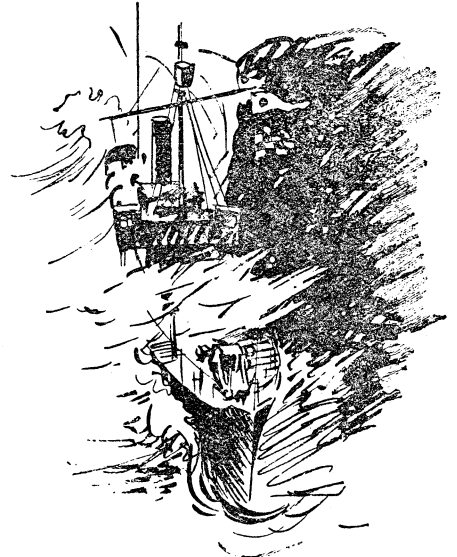

В 1918 году

ВЕЛИКИМ СЕВЕРНЫМ ПУТЕМ

Летом 1915 г. «Таймыр» и «Вайгач», врубившись в ослабевший лед, пробившись в Баренцово море, а оттуда прошли в Архангельск.

Они победили Великий северный путь. Всею в истории человечества этот путь — от берегов Норвегии вокруг северного побережья Сибири до Берингова пролива — пройден только три раза. Впервые его совершил в 1878—79 гг. на судне «Вега» шведский ученый Норденшельд. Он прошел с запада на восток. «Вайгач» и «Таймыр» в 1914—1915 гг. прошли этот путь с востока на запад. В 1918—19 гг. здесь прошел в направлении «Веги» на судне «Моод» величайший полярный исследователь Рональд Амундсен. Остальные известные истории попытки преодолеть Великий северный путь кончились трагической неудачей — гибелью судов, а иногда и всего их экипажа.

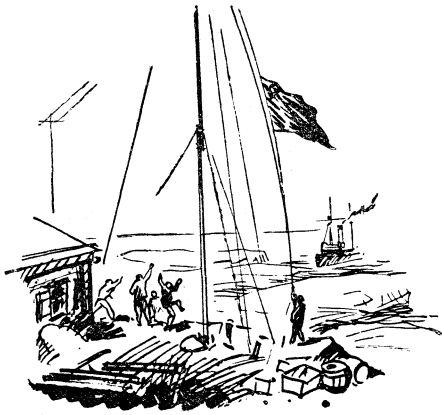
Гибель «Вайгача»

Великий северный путь уже несколько столетий осаждался кораблями всевозможных стран. Впервые о нем заговорили в XVI столетии, когда Европа стала усиленно искать кратчайший путь в Китай и Индию. В 1553 г. в Ледовитый океан с этой целью пришла английская экспедиция в составе трех судов. Два из них погибли около Мурманского побережья, а третье с большим трудом достигло устья Северной Двины. Столь же неудачны были и все остальные экспедиции.

Экспедиция «Таймыра» и «Вайгача» совершила этот путь с единственной целью произвести научные работы в совершенно неисследованном районе. Собранный экспедицией материал о состоянии льдов и о климатических условиях Великого северного пути привел к следующему выводу: Великий северный путь не имеет никакого практического значения. Регулярное судоходство на нем невозможно, так как исключительно трудно преодолеть весь путь в течение одной летней кампании. Для этого нужно редкое и еще не имевшее здесь места стечение благоприятных обстоятельств.

«ТАЙМЫР» ПРОКЛАДЫВАЕТ НОВЫЙ ПУТЬ

Во время империалистической войны, с 1915 по 1918 гг., оба ледокола несли охранную и ледокольную службу в Белом море.

«Таймыр» у радиостанции в Карском море

В 1918 г. «Таймыр» и «Вайгач» были включены в состав новой «Гидрографической экспедиции Северного ледовитого океана». В задачу этой экспедиции вошло изучение западной части Великого северного пути — от Баренцова моря к устью сибирских рек—Оби и Енисея. Ледоколам предстояло километр за километром исследовать тот район, по которому в 1921 г. ежегодно стали проходить караваны судов Карской торгово-экспортной экспедиции, осуществляющей торговую связь Западной Европы с северными районами Сибири.

«Вайгач» трагически окончил первый год этой новой своей работы: во время шторма он погиб на камнях в Енисейском заливе.

Исследовательскую работу продолжал «Таймыр». В 1921 г. он успешно закончил первую Карскую экспедицию. О значении этой работы можно судить по возрастающему из года в год численному составу экспедиции. В 1921 г. в Карской экспедиции участвовало три корабля, в 1928 г.—восемь, а в 1930 г.—более двадцати. Эти корабли доставили в Сибирь машины и оборудование для растущей сибирской промышленности и вывезли оттуда за границу лес, волокно, шерсть, пшеницу, асбест и другое сырье. Установлено, что перевозка грузов на судах Карской экспедиции стоит более чем вдвое дешевле, чем транспортировка их по суше.

Великий северный путь до рек Оби и Енисея используется сейчас далеко не с полной нагрузкой; лишь несколько недель в году бывает он сравнительно удовлетворительным для плавания. Поэтому руководители Карской экспедиции из года в год стараются включить в ее состав все большее количество транспортов. Надо думать, что после окончания работ по оборудованию портов в устьях Оби и Енисея эти порты будут принимать многие десятки и сотни судов.

«КУХНЯ ПОГОДЫ»

После 1921 г. «Таймыру» была поручена тяжелая и ответственная лоцмейстерская работа, которая заключалась в регулярных рейсах между полярными обсерваториями и радиостанциями. Ледокол обходил их в течение короткого лета, снабжая припасами, осуществляя смену персонала полярных форпостов советской науки и производя научные работы в Баренцовом и Карском морях.

В западной части Северного полярного моря, по побережью материка и островам, разбросано более пятидесяти гидро-метеорологических обсерваторий.

Около десяти из них имеют свои радиостанции, которые ежедневно передают всеми миру сведения о состоянии льда и погоды в полярных областях. Эти сведения имеют решающее значение для прогноза погоды почти на всем северном полушарии.

Наукой точно установлено, что полярные области являются «кухней погоды» всего земного шара. Здесь зарождаются ураганы и штормы; от состояния льдов на полярных морях в большой степени зависит урожай пшеницы чуть ли не в низовьях Волги. Каждодневно, ежечасно ведет научный персонал полярных обсерваторий тщательные наблюдения над капризами суровой северной природы. Наблюдения эти имеют не только прикладное значение (прогноз погоды на ближайшее время), но и большой научный интерес. Коллективной работой «полярные отшельники» вырывают у природы ее тайны, нащупывают и формулируют законы полярной погоды и зависимость от этих законов метеорологических явлений умеренных поясов.

ПОЛЯРНЫЕ ОТШЕЛЬНИКИ

Старик «Таймыр», пробивающийся сквозь ослабевший лед, кажется «полярным отшельником» лучшим судном в мире. Он несет им освобождение от годичного добровольного заточения.

История полярных обсерваторий знает, что человек, прошедший в северном безмолвии хотя бы один год, уже через несколько месяцев после возвращения на материк вновь заскучет по северу и в следующем году снова окажется на борту «Таймыра», на пути к новой полярной зимовке. Такова неуловимая прелесть северной зимы, полярных сияний, штормов и ярких, до слезоты кристально чистых льдов. И все же появляющийся раз в году «Таймыр» приковывает к себе взоры всех полярных зимовщиков, которым в этот момент кажется, что они не могли бы ни минуты больше оставаться в этом оторванном от всего мира суровом месте.

ВТОРОЙ РАЗ В ИСТОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

«Таймыр» хорошо справлялся с ноей работой. Несмотря на все трудно-

сти, какие громоздили перед ним полярные льды, он точно в срок появлялся на виду у обсерваторий. Даже в суровейшее лето 1926 г., когда лед на полярных морях был почти столь же крепок, как и зимой, ни одна станция не осталась без свежего провианта и смены персонала.

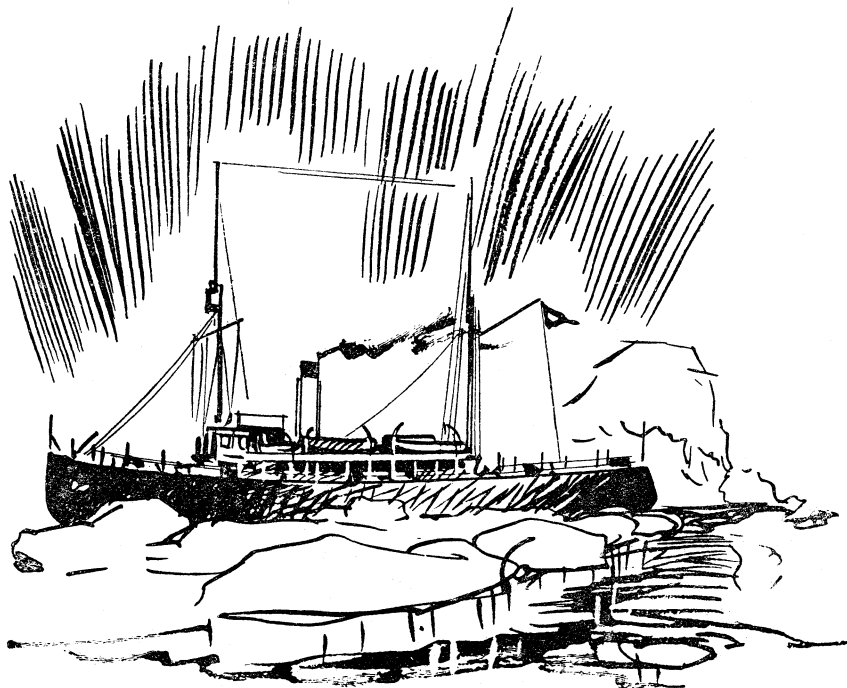
Два десятилетия плаваний в полярных льдах изрядно потрепали крепкий

Лотовый матрос

корпус и машины ледокола. Понадобился капитальный ремонт, и «Таймыр» 30 октября 1930 г. вышел из Архангельска, а 2 ноября обогнул мыс Норд-Кап. 17 ноября он пришел в Кронштадт и на следующий день был в Ленинграде, на Неве, на том самом месте, откуда он ушел в полярное плавание двадцать один год назад (9 октября 1909 г.).

И в этот же день, 18 ноября 1930 г., в историю мирового мореплавания была занесена новая страница. История навеки запечатлела, что гидрографическое судно ледокольного типа «Таймыр», вышедшее 9 октября 1909 г. из Петербурга, вернулось в этот город, ставший Ленинградом, 18 ноября 1930 г., совершив второе в истории морей круговое плавание вокруг Европы. Первое такое плавание, только в обратном направлении, проделал пятьдесят лет назад шведский исследователь Норденшельд.

«Таймыр» во льдах Полярного моря

ЖЕЛТАЯ СМЕРТЬ

Очерк Е. Б.

ЯДОВИТЫЙ ТУМАН

В первых числах декабря 1930 г. долину реки Маас желтоватым плащом покрыл туман. Сперва никто не обращал на него внимания: Бельгия — страна туманов. В городах и поселках трудовая жизнь шла своим чередом.

Однако скоро туман дал о себе знать. Работавшие под открытым небом люди стали чувствовать странное стеснение и боль в груди, гортань воспалялась, совершенно здоровых перед тем людей бил судорожный кашель. С каждым глотком тумана в организм словно забиралась невидимая отравляющая муть. Начиная мельничей кружиться голова, напознала тяжкая дурнота... Полог тумана, казалось, раздирался от залпов кашля.

В недоумении крестьяне переглядывались:

— Что за чорт! И ты закатился, дядя Пьер? И Андрэ? И Марго? И Жанна? Как по команде!.. Не иначе, как от этого проклятого тумана.

Один за другим люди бросали работу и, пошатываясь как пьяные, брели домой. Многие падали по дороге без чувств.

Вскоре госпитали и больницы стали переполняться пострадавшими.

Проходили часы, а туман и не думал рассеиваться. Мирриадами спрутовых шупалец расплзался он по равнинам Южной Бельгии. И всюду, куда он проникал, начинались загадочные массовые заболевания...

На больничных койках люди металась, ловили ртом воздух, хрипели, задыхались. Многие через несколько часов умирали.

В числе первых жертв оказались сорок рабочих одного из заводов долины Маас. Они были спешно доставлены в ближайшую больницу, и большинство удалось спасти.

— Мне казалось, что адское пламя жжет мою грудь, — рассказывал один из спасенных, крепкий бритый старик.

— Какое там адское пламя! — перебивал его рабочий помоложе. — Точь-в-точь, как во время мировой бойни, в траншеях, когда нас давили газами. Кто раз испытал, не забудет...

Мнения потерпевших сходились: симптомы молниеносных заболеваний строго совпадали с симптомами газовых отравлений.

НАДЕЖДИНСК 22/ХІІ 30 г. 18 ч. 25 м.
МОСКВА ВСЕМИРНЫЙ СЛЕДОПЫТ

В последнем населенном пункте Урала — Ивделе — был найден остоячий божок — остояк, охотящийся за оленем. Божок утерян остояками около сотни лет тому назад.

Под давлением шаманов и стариков остояки пытались поддулом и силой захватить божка. Долгое время божок был под охраной в музее и райсовете, а летом на одном из собраний при демонстрации божок похищен неизвестными. Подробности по приезде.

Ник. ЛОВЦОВ.

«ВОДЫ! Я ГОРЮ!»

Утром 3 декабря из расположенной вблизи Льежа фермы в город по поручению хозяина отправилась молодая батрачка. Вышла свежая, налитая силами. Часам к семи вечера вернулась на ферму, еле дотащилась, иссиня-бледная, задыхаясь от острого чахоточного кашля. Свалилась на кровать и быстро потеряла сознание. Всю ночь металась на тощей подстилке, крича:

— Воды! Воды! Я горю! Спасите!..

Вызванный врач ничем не мог облегчить ее мучений, и к утру она умерла. Вскоре выяснилось, что смертоносный туман не пощадил и скот. Сотни коров, овец и лошадей пали на фермах и по дорогам. Не мало фермеров разорилось.

КОШМАР НАД БЕЛЬГИЕЙ

Паника быстро охватила обычно такую флегматичную страну. Ходили слухи один чудовищнее другого.

— Немцы напустили на нас ядовитые газы. Хотят отомстить за свое поражение...

— Военное министерство пробует на нас, как на лабораторных кроликах, новый газ...

Туманы доползли до предместий Льежа. Перепуганные буржуа закопачивали окна и двери, забивали все щели в домах и отсиживались в добровольной тюрьме от ожидаемой газовой атаки. На улицах Брюсселя появились объявления с подробными наставлениями, как обезопасить себя от ядовитых газов. Всюду только и толковали, что о загадочном тумане. Бельгия напоминала огромный сумасшедший дом.

ВТИРАЮТ ОЧКИ

Население долины Мааса требовало вскрытия жертв, строгого расследования причин катастрофы. Врачей и ученых засыпали вопросами, но они только пожимали плечами.

Бельгийские националистические газеты развязно болтали о «немецких ядовитых газах», которые со времени войны «оставались похороненными в этих местах и только теперь вырвались на воздух».

Официальная пресса пыталась внушить населению, что причина массовых заболеваний уже установлена. Это, видите ли, исключительно густой и сырой туман так губительно действовал на сердечных и легочных больных, доканав их, что называется, в два счета. «Совершенно естественное» явление!

— Но позвольте, — говорили при бывшие из деревни, — как объяснить в таком случае массовый падеж скота? У коров и свиней не слишком нежное здоровье.

Прошло два дня, и туман стал рассеиваться. Подсчитывали жертвы: до 90 умерших, более 400 больных. Тысячи голов скота...

Армия туманов двинулась дальше на запад, полоснула север Франции, пере-

махнула через Ламанш и окончательно рассеялась на равнинах Англии, вызвав загадочное заболевание 28 человек в Зобернетце и падеж скота в Йоркшире.

Кошмар схлынул с Бельгии, но остались острота неразрешенной загадки и опасение повторных газовых атак.

В госпитале Льежа врачи вскрыли тело одной из жертв тумана и констатировали, что смерть произошла от воспаления легких.

— Не может быть и речи о ядовитых газах! Туман лишь ускорил смерть.

Официальные органы продолжали замалчивать истину.

Появлялись все новые мудрые объяснения различных ученых мужей. Один из них дошел до такого потентованного идиотизма:

— Смерти в долине Мааса вызваны... инфекцией, занесенной из песков Сахары недавними бурями...

ЗАВОД СМЕРТИ

Само собой разумеется, никто кроме буржуа не верил этим басням. Все упорнее народное мнение указывало на химические заводы долины Мааса, как на источник отравлений. В самом деле, в укрепленном районе Льежа расположен целый ряд химических военных заводов, гигантских лабораторий газов для грядущих империалистических войн. Иные из них, в роде «Титана» или «Азота», вызывают постоянные страхи окрестного населения.

Наконец коммунистической прессе удалось доискаться правды. Было произведено тщательное обследование района, собраны анкеты сотен местных жителей. Преступные следы сходились к одному центру — заводу «Азот», расположенному в районе Угре.

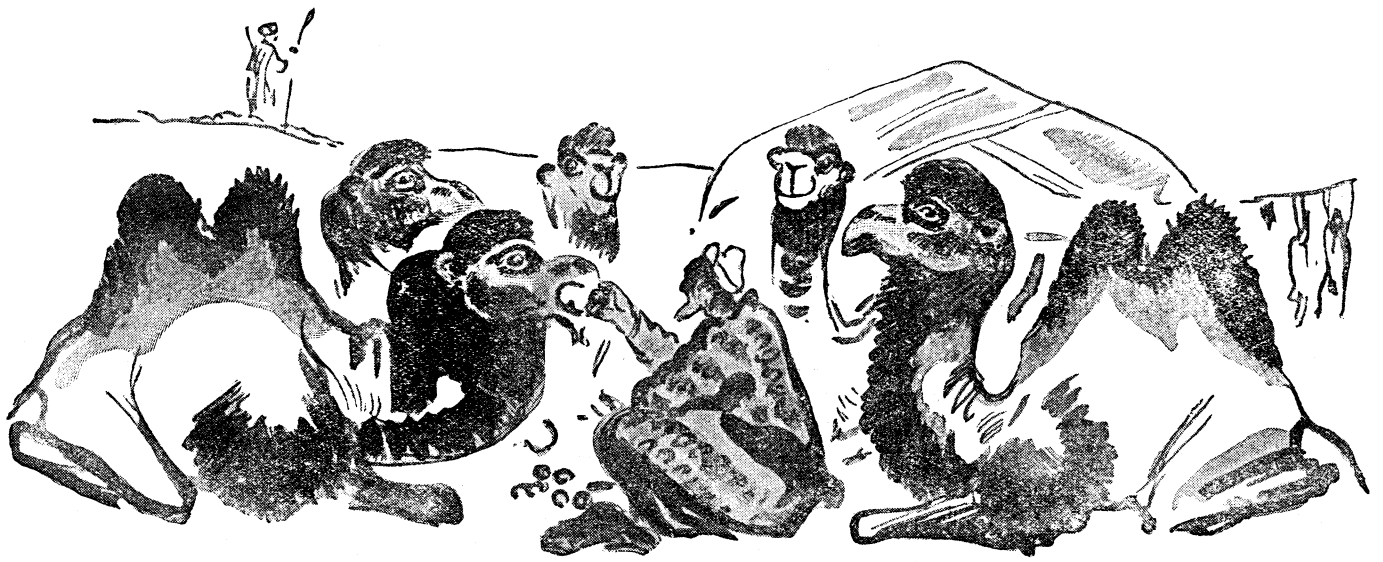
Это целый город, занимающий огромную территорию, чудовищный завод смерти. Принадлежит он известному бельгийскому магнату Ван-Хучардену, заключившему контракт с правительством на поставку ядовитых газов.

Весь район Угре систематически отравляется ядовитыми отбросами завода: погигли леса, пастбища, посевы, смертельное дыхание выжгло землю. При приближении к заводу люди начинают задыхаться.

Завод «Азот» — сущий ад. Рабочие не снабжены надлежащими предохранителями, быстро заболевают, многие умирают после нескольких месяцев работы.

Обследованием установлено, что в день появления тумана вокруг завода атмосфера была исключительно густо насыщена ядовитыми газами. Зарегистрированы случаи отравлений лиц, попавших в зону действия газов. Вероятно в этот день на заводе произошел взрыв резервуаров, выбросивший в атмосферу колоссальное количество удлинителей газов.

Итак, все становится на место. Как было не молчать официальной прессе, когда затронуты интересы крупнейшей фирмы, работающей рука об руку с правительством?

Г О Н

Окончание рассказа ВЛАДИМИРА КОЗИНА

Рисунки В. БЕХТЕЕВА

IV

Кузька помчался на бугор и затянул повод. Конь под ним заплясал, разгоряченный желанием скакать дальше. «Что за дьявольщина? — подумал Кузька, с напряженным беспокойством вглядываясь в желтеющую даль. — Стреляли там, куда поехали Черкиз и Хаджи-Дарья. Что-то неспроста! В такое время наши зря стрелять не станут».

Он постоял на бугре, прислушиваясь. Степь молчала. Кругом была проникновенная тишина и жарко грело высоко поднявшееся солнце. Ястреб пролетел над Кузькой, лениво махая могучими крыльями. Рядом пискнул суслик и провалился в нору. Кузька сдвинул папаху на затылок, пожал плечами и спустился с бугра.

— Карабаз, — решительно сказал он, под'ехав к стаду. — Сейчас же подгоняй отставших. Го-о-оу, Ягмур! — крикнул он, вытянувшись на стременах и приложив ладонь ко рту. И когда старший пастух подошел к нему, Кузька отрывисто бросил: — Посади четырех пастухов с винтовками на ишаков. Пусть в разных направлениях от'едут на километр от стада и осмотрят местность. Товарищ Аркалов! Вы тоже можете ехать. Но только не охотиться, а держать связь с дозорными. Ты, Карабаз, собери вокруг себя человек пять надежных и смотри зорко. Овцам не давайте разбредаться. А я проеду немного вперед.

Кузька повернул коня и, крикнув трем конным туркменам следовать за ним, порыскал от стада.

Проехав километра два, он поднялся на высокую грядку, покрытую громадной тенью от облака, и посмотрел кругом. Далеко сзади зеленая степь рябила черными и белыми точками овец. На ближайшем от стада бугре стояли, как игрушечные, верблюды. Справа и слева изломанной линией тянулись увалы и растекались ложбины, покрытые обильной травой. Впереди неясно и заманчиво высились три бугра; за ними скрывалась цветущая долина Мургаба.

К Кузьке под'ехал Караджа и взволнованно сказал, указывая пальцем на подножие гряды:

— Там следы лошадей. Много!

— Ну? — промычал Кузька, открыв рот и выкатив глаза. — Мать... честная! — прошептал он и галопом скатился к подножью гряды.

На песке отчетливые и ясные скрещивались и вели на юг следы множества копыт. Караджа слез с лошади и наклонился над беспорядочным рисунком неведомых следов.

— Здесь проезжали рано утром, — сказал пастух, не поднимая лица. — Роса была, след хороший!

— Сколько лошадей?

Караджа задумался, глаза его блуждали по широкой ленте испещренного копытами песка.

— Пятьдесят! — сказал он уверенно.

Кузька обернулся в седле.

— Орун! — обратился он к одному из сопровождавших его туркмен. — Скажи к товарищу Карабазу и скажи ему, что калтамаи близко. Пусть будет наготове. Я проеду по следам и сейчас же вернусь.

Он пропустил вперед Караджу и тронул каблуками конские бока.

Следы тянулись, сгруживались и разлетались в стороны как потревоженный рой мошкеры. Потом они круто повернули на запад и спустились в ложбину. Караджа, не слезая с седла, всмотрелся в полукруглые, вдавленные в песок отпечатки.

— Отсюда быстро пошли, — испуганно сказал он и нерешительно посмотрел на Кузьку.

Кузька молчал и встревоженно поводил во все стороны головой. «Ехать дальше или вернуться? — мрачно нахмурившись, думал он — Если поедешь вперед, пожалуй влопаешься без пользы, как ишак! Повернуть назад — ни дьявола не узнаешь»...

— Э, была не была! — сказал он с отчаянной решимостью, почувствовав вдруг злобу на весь мир. Он ударил коня нагайкой и поскакал по ложбине. Ложбина круто повернула влево и уперлась в невысокий бугор. Кузька

поднялся по склону; взглянул, тихо, вскрикнул и рванул повод: за бугром, безжизненно разметавшись, лежали на песке два ободранных трупов.

Сжимая в руках винтовку, Кузька неподвижно стоял на бугре. Туркмены остановились позади и торопливо оглядывались. Кругом было солнечное и радостно зеленела густая трава.

— Товарищ Кузька, — прошептал посеревший от волнения Караджа. — Это наши... Черкез и Хаджи-Дарья.

Мускулы на Кузькином лице запрыгали и бугор мышц поднялся над переносицей; ноздри раздулись. Кузька прохрипел:

— Палван Батыр! Карауль! — и спустился к трупам.

Темнолицый Черкез лежал навзничь. Слепое лицо его с жестокой укоризной смотрело в небо; глаза были выклеваны ястребом. На лбу как звезда багровело круглое отверстие. Черное и волосатое тело его было оголено, и только голубая рубаха комкалась на груди Караджа приподняв голову; в затылке сочилась дыра — пуля сзади навывлет пробила мозг.

Молодой Хаджи-Дарья руками и лицом зарылся в окровавленный песок. На спине его и на боку как факелы пылали два жирных рубиновых пятна. Череп был раздроблен и пуст, повидимому, его, раненого, добились прикладом. Возле убитых не было ни коней, ни винтовок.

— Их подстрелили сзади, — устало и задумчиво сказал Кузька и медленно завернул коня. — Гады, ну гады!.. К стаду! — рявкнул он вдруг и пустил лошадей во весь мах.

V

До самого вечера торопливо и безостановочно двигалось стадо в направлении к Мургабу. Овцевод Карабаз не думал более о матках и окотившихся ягнятах: он сам подгонял и кучнее сбивал отары. Уже было забито десятка два безнадежных ягнят и сняты с них на ходу драгоценные шкурки; уже болтались на верблюдах, кровавая песок, гирлянды розовеющих тушек; уже давно

брела за стадом печальная вереница захромавших маток; уже до отказа были переполнены переметные ящики и в них ягнята кричали надсадным и смертным криком; уже натрудившееся солнце клонилось к земле, — а стадо все шло, и люди в потных руках несли готовые ко всему винтовки.

На встречных и пройденных буграх караулили пастухи калтаманов. Во главе своих конных носился Кузька по дальним увалам, выслеживая и вынюхивая страшное приближение. Но молчала степь и только злобейшей мглой закрывалось воспаленное солнце.

— Ну, как? — спросил Карабаз, поймав Кузьку на ближайшей гряде.

— Дьявол их разберет! — сердито крикнул Кузька, уставший от тревоги и бесплодных разведок. — Слово сквозь песок провалились! Не то не решаются, гады, не то ночь ожидают... Тут впереди котловина есть. Загоним туда стадо и будем ночевать как в люльке. А завтра, чуть свет, тронем к Мургабу: осталось всего каких-нибудь километров шесть!

Стадо начало вползать на песчаную гряду. Верблюды, осторожно вытягивая шею, спускались уже в котловину. Солнце покрылось мглой и от него остался лишь кровавый и жалкий обломок. На небе родилась печальная звездочка. Трава потемнела. Сзади дохнул неожиданной свежести ветер. Пастухи сняли папахи и вытерли пот.

Тогда с противоположной гряды, отодрав бешеным галопом всю котловину, примчался безмолвный и дрожащий Аркалов.

— Что? Да говорите, что? — заорал Кузька.

— Там...

— Что там? — и Кузька в бешенстве поднял нагайку.

Лицо Аркалова было перекошено, зубы поскрипывали словно деревянные. На щеках вспыхивали как зарницы блуждающие пятна. Он был без кепки. Руки его невыносимо дрожали. Буланый иноходец стоял, понурился, и бессильно разводил боками.

— Там... за грядой... за бугром... я видел... калтаманов.

— Сколько... ччорт подери!

— Не знаю... Кажется человек пять.

— Сгоняй стадо в котловину... живо! — внезапно успокоившись, сказал Кузька Карабазу. — Пастухов кучками — по вершине. Прикрываться верблюжьими седлами... Я — на разведку. Аркалов, за мной!

И Кузька с тремя конными пастухами, с отстающим Аркаловым позади примчался через котловину.

У подножья противоположной гряды Кузька и туркмены спешились, оставив лошадей Аркалову. Аркалов молча принял поводья и начал следить за поднимавшимися враспынную знакомыми фигурами пастухов. Сзади себя он слышал приближающийся гул торопливо сгоняемого стада. Стадо заполнило котловину и любопытные козлы, позвякивая колокольчиками, подошли к Аркалову.

В этот момент Кузька достиг вершины гряды; он на мгновение задержался на ней и вместе с пастухами скрылся с глаз.

Солнце провалилось в желтую и мрачную мглу. Стало темно. Ветер погнал по склону сухие и колючие астрагалы.

Аркалову подошел пастух и взял лошадей. Потом сбоку неожиданно из кучи овец вынырнул Карабаз; за ним — пять туркменов с винтовками. Карабаз внимательно посмотрел в лицо Аркалова и быстро спросил:

— Ну, как? Что?

— Не знаю. — прошептал Аркалов, — ничего не видно.

— Тогда полезете наверх! — шопотом предложил Карабаз и начал подыматься.

Кузька на коленях подползал к бугру. У подножья бугра он лег на живот и не опускал более напряженно задранной вверх головы. Движения его короткого тела были похожи на тугие и упрямые движения пополам разрубленной змеи. Стебли травинки казались Кузьке могучими и неправдоподобно толстыми; расположившаяся под кустиком черепаха посмотрела на него в упор бессмысленными дробинками глаз и угрожающе зашипела.

Перед вершиной бугра Кузька вздрогнул и застыл: с той стороны явственно доносился короткий и жесткий звук встретившихся стремян. Потом чужой голос тихо произнес непонятное отрывистое слово.

Рядом с собою Кузька услышал сдержанное дыхание пастухов. Тогда он приподнялся на вытянутых руках и быстро заглянул через бугор.

От бугра коротким галопом уходило шесть верховых в чернеющем воздухе пыли белые чалмы и крутились конские хвосты.

— Стреляй в гадов! Пли! — сорвавшимся голосом закричал Кузька, вскакивая на колени и прицеливаясь. Раз-

дался протяжный залп, и Кузьку поразила неожиданная сила загремевших возле него выстрелов. Он торопливо оглянулся: на бугре лежало человек десять пастухов; рядом с ним стоял Карабаз и бледный Аркалов. «Здорово! — подумал Кузька. — Молодцам подоспели!» — и выстрелил вновь, с привычной быстротой прицелившись в самого дальнего, что скрывался уже в оседающей тьме.

Трое из скакавших уродливыми комками упали на песок и конские ноги задержались в воздухе. Лошадь четвертого, внезапно освобожденная от груза, с прилипшим к боку седлом трусцой побежала в сторону. От Кузькиного выстрела покачнувшись в седле пятый; он выпустил винтовку, припал к конской шее, и конь унес его в желтую загадочную мглу. Загремел второй залп, и шестой — последний и одинокий в степи — упал навзничь под лошадь, картинно и плавно взмахнув руками.

— Ушел один, — с блуждающей улыбкой произнес Аркалов. Судорожным движением он вынул из двустолки пустые патроны и заложил новые. На лице его застыло выражение ужаса и недоумения.

— Ничего! — возбужденно прохрипел Кузька. — Теперь он там таких страхов порасскажет, — задумаются, гады... Ну, здорово мы отомстили за своих!. А трофеев, братцы, трофеев-то сколько!

Пастухи под бугром деловито и оживленно собирали винтовки и ловили вражьего коня.

V

Ночь прошла спокойно.

На рассвете, когда воздух был еще серым и влажным, Кузька с четырьмя пастухами выехал вперед. По ближайшим буграм рассыпались дозорные. Из котловины поднялись верблюды и стадо с бляением, под возбужденные крики чопанов торопливо тронулось к Мургабу.

Часа через три открылся последний перед мургабской долиной бугор. Он был громаден. Вершина его багровела и

